

НАРРАТИВ О СУДЬБЕ В СФЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Радышевская А.Н.

научный руководитель канд. филол. наук. Сперанская А.Н.

Сибирский федеральный университет

Сфера семейной коммуникации – актуальный предмет современной науки о языке. Лингвистика внутрисемейной речи, по мнению В.К. Харченко, является малоизученной, однако весьма интересной областью [Харченко, 2008. С. 51]. Семейная коммуникация – более широкое понятие, включающее в себя также экстралингвистические факторы. Это направление изучения коммуникативных аспектов языка находится на стыке социолингвистики, новой фольклористики и речеведения. Актуальные работы в этой области принадлежат М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [Китайгородская, 1999], И.А. Разумовой [Разумова, 2001]. Языковая личность и аспекты ее изучения описаны в работах Ю.Н. Караулова [Караулов, 2006].

Данная работа посвящена анализу текста семейной беседы на тему судьбы. Цель исследования – выявить особенности понимания этой темы респондентом в связи с его жизненным опытом.

Важной характеристикой текстов семейной коммуникации является неформальная обстановка. Сбор материала производился в домашних условиях. Респондент, красноярец Харченко Владимир Борисович (1925 г.р.) является близким родственником интервьюера.

На данный момент собранная картотека состоит из десяти текстов (около 180 минут звучания) на темы семейной родословной, биографии, семейных реликвий и др. В статье будет рассмотрены и проанализирована беседа о судьбе.

Тема беседы инициирована исследователем с целью выяснить представления ВВ о судьбе, влиянии рока и способности человека влиять на ход событий. Примечательно, что данная тема не характерна для пространства семейных бесед в данной семье, хотя имплицитное ее присутствие в рассказах о судьбах родственников можно выявить. Открыто тема обсуждалась впервые, чем можно объяснить длительное размышление ВВ над ответом и последующую характеристику (*вопрос/ довольно продолговатый*). Формулируя ответ, респондент сначала рассуждает скорее на тему смерти (*Иногда это/ рок/ неизбежность/ вот/ но в большинстве случаев это/ потеря собственной бдительности и/ отказ от борьбы*), но затем обозначает более конкретно: *Человек кузнец своей судьбы // Если ты захочешь/ то ты можешь/ горы свернуть/ но по уму (акцентирует) По уму// А если без ума начнешь/ вот/ то конечно/ ничего из этого не получится.*

Далее следует обширный монолог-рассуждение, содержащий несколько примеров из разных областей жизни, иллюстрирующих тему: профессиональная сфера (*некоторые <...>/ не мыслили себя/ на низшей должности/ Обязательно надо высшую должность<...> как в курятнике// <...>на нашествиях сидят/ рядом сидящего толкают до тех пор/ пока он не упадет*); сфера личной жизни (*вот возьми/ <...>артисты// И народная и всенародная и/ значит лауреат всех премий// Как она скапсустилась/ заболела/ значит никто к ней/ даже не пришел/ за исключением одного-двух человек/ близких подруг или родственников/ и не помогли ей/ не подали чашку чая*). В продолжение этой микротемы ВВ вспоминает старинный романс и делает вывод: *жизнь такая/ сволочная штука/ когда ты/ в силе/ когда ты на подъеме/ когда видят в тебе интерес/ люди интересуются тобой/ вот// Но/ стоит тебе поскользнуться/*

вместо того чтоб подать руку помощи/ тебе пинка засадят/ шобы/ кувыркался/ и не поднимался.

Развивая эту мысль, ВБ переходит к теме репрессий (*вот тридцать седьмой год/ <...>массовые посадки/ на этого соседа стукнул/ все/ забрали/ посадили/ расстреляли*), затем к теме русского характера (*русские с одной стороны душа-рубаха/ вот последнюю рубаху отдаст// Но иногда и/ на пакости тоже способен*). Интересно, что опираясь на свой богатый жизненный опыт, респондент сопоставляет русских и кавказцев, говоря о разобщенности и завистливости первых (*а русских ты видела чтоб они толпами ходили? этот купил машину/ этот «мерседес» купил/ а у тебя че? Говорит/ Да ничего у меня нет// Давай посадим его? Ну/ написали/ посадили*) и коллективизме вторых (*грузины так/ Кацо, у тебя есть «мерседес»? Есть/ а «тойота» у тебя есть, Гогридзе? Есть/ а у Вахтанга есть машина? Нет/ у Вахтанга нет машины/ давай ему купим*). Такая характеристика, с одной стороны противоречит традиционным представлениям о коллективизме русских, а с другой, как следует из дальнейшего рассуждения ВБ, является скорее общечеловеческой чертой: *Это вообще/человеческая природа/ понимаешь? Грести себе (показывает руками)/ невзирая ни на что*. Иллюстрируя свой тезис, ВБ приводит сюжет из газеты о том, как «генерал заворовался».

И только после этих нескольких микросюжетов респондент возвращается к теме беседы. Можно предположить, что такое обширное вступление в тему связано с обдумыванием вопроса, выработкой ответа параллельно с подбором подходящих сюжетов из жизни. Возвращаясь к теме судьбы, ВБ признается: *Я/ не обращал на это особого внимания*. Затем респондент вновь обращается к примерам, но уже из своего собственного опыта, а именно рассказывает четыре военные истории, так или иначе иллюстрирующие тему судьбы. Первый случай произошел с сослуживцем ВБ, который хотел избежать смерти, спрятавшись в лошине и не пойдя на разведку, а в результате получил тяжелое ранение (*Вот видишь какой рок// Он/ как будто бы схитрил да? Взял/ не пошел в эту нашу группу/ а убежал за водой/ пока я буду ходить/ значит они уйдут/ останусь/ на это задание не пойду// Так оно и получилось/ на это задание не пошел/ но без ног наверняка остался*). Далее ВБ повествует, как ему удалось избежать смерти (*начался пулеметный обстрел/ я бегу к этой воронке/ но в эту воронку падает/ кто-то из солдат/ и в эту воронку попадает снаряд*) и резюмирует: *вот тебе «два раза не попадает в одну воронку и вот тебе тоже расчет/ вот это что/ рок? Вот специально не пускал меня? Или не специально? Вот как это понять?* ВБ приводит еще один случай, когда, несмотря на серьезное ранение, он выжил: *вроде все нормально/ <...>мы отстреливаемся/ <...> вдруг чувствую/ боль в левом боку/ я говорю: «Гошика/ убило»/ <...> Я как сейчас помню что весь в грязи я/ состояние такое/ хочется пить/ ну и значит думаю/ пусть придут немцы/ кто угодно/ попрошу попить/ пусть дадут попить/ и пристрелят чтоб не мучился// Но/ нас грузят/ подъехала подвозка/ атаку отбили/ и тут начали раненых подбирать <...>И когда/ нас увозили/ я не помню/ кто это мне сказал/ но кто-то из нашей батареи сказал <...> ты Володя счастливый/ ты будешь жить// Вот те пожалуйста/ я уже рассчитывал/ то что/ этого ранения мне хватит (про первое ранение) а мне еще добавили/ два ранения а потом всю жизнь/ по госпиталям/ вот тебе/ раз на раз не сходится*.

Последний тезис подтверждает еще один пример: *А начбой/ начальник боепитания корпуса/ дак тот вообще/ погиб не за понюх табаку// В тылу/ где-то/ километров двадцать от фронта/ ехал он/ <...> прилетел шальной снаряд/ и его порвало/ и все// В тылу был/ как будто снаряд его искал*. Завершает рассуждение респондент следующим выводом: *трудно сказать как это выглядит/ иногда/ даже не рассчитываешь/ что так будет в жизни/ вот/ ан получается так*.

Таким образом, изначальный тезис «человек - кузнец своего счастья» был дополнен мыслью о непредсказуемости поворотов судьбы, о том, что далеко не все зависит от человека. Тема судьбы, заданная интервьюером, явилась неожиданной для респондента, что отразилось в долгом обдумывании, подборе самых разных сюжетов, так или иначе связанных с темой, а также в отборе фактов из собственной биографии.

Характерными особенностями речевого поведения ВБ являются стремление к монологичности речи, ориентация на собеседника, удержание и поддержание его внимания. Рассказам свойственна детальность, описательность. Также следует отметить интонационное и жестовое разнообразие, игровое преподнесение (по ролям). Эти характеристики являются постоянными для речевого поведения респондента не только в данной беседе, но и во всех собранных материалах.

Анализ беседы показал, что для ВБ понятие судьбы, с одной стороны, связано со способностью человека самому управлять своей жизнью, жить «по уму», с другой стороны – случайность, рок (четкого определения респондент не выбирает) играют большую роль в жизни и смерти человека.

Литература

1. Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект / Б.М. Гаспаров. - <http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность/ Ю.Н. Караулов. – М., 1989.
3. Китайгородская, М.В. Речь москвичей. Коммуникативно-культурологический аспект/ М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. – М., 1999.
4. Конецкая, В.П. Языковая личность/ В.П. Конецкая. - http://society.polbu.ru/konetskaya_commsociology/ch27_i.html
5. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М., 1989.
6. Павлова, А.А. Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных) / А.А. Павлова. – Белгород, 2004.
7. Разумова, И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История/ И. А. Разумова. – М., 2001.
8. Рытникова, Я.Т. Семейная беседа как жанр повседневного речевого общения/ Жанры речи / Я.Т. Рытникова. – Саратов, 1997.
9. Семейные узы: модели для сборки. Книга 1/ Сост. и ред. С. Ушакин. – М., 2004.
10. Современный городской фольклор / Редкол.: А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. – М., 2003.
11. Харченко В.К. Белые пятна на карте современной лингвистики / В.К. Харченко. М., 2008.
12. Шмелева Т.В. Текст как объект грамматического анализа / Т. В. Шмелева. – Красноярск, 2006.